

Вячеслав Шаповалов. Безымянное имя: Избранное ХХI. Книга стихотворений. – Вступ. ст.: В. Калмыкова. – М., *Русский Гулливер*, 2021. – 328 с. (*Поэтическая серия*).

Книга избранных стихотворений Вячеслава Шаповалова «Безымянное имя» вышла в московском издательстве «Русский Гулливер». Это настоящий подарок ценителю русского поэтического слова. Шаповалов родился в Киргизии, там и проживает свой век. С этих высокогорий молодому поэту когда-то открылся огромный мир, в его мировидении – огромное пространство Азии, продолжающееся в Европе. Мощный напор славянского духа, свойственный Шаповалову, поддержан в нём горячим дыханием Востока. Ритм былинного русского фольклора, помноженный на азийский темперамент, вероятно, сказался на долгом дыхании его стихотворной речи. Он будто захлёбывается в стремлении выговориться, ему тесны рамки короткого стихотворения, потому оно и растёт, ширится, набирает высоту речи:

...на нелепой хрупкой раме меж случайных звёзд
над железными путями эйфелевый мост
деревянный безутешный а с него видна
акварелью дымной нежной хмурая страна
тепловозов рокот сильный маневровых плач
вместе с бабушкой и скрипкой маленький скрипач
он по мостику в очочках на урок спешит
словно в спящей ветке почка в нём смычок защит
мост качается над бездной музыка слышна
от предчувствий бабки бедной горбится спина
неизбывного испуга древней крови стон
молча нарастает fuga на краю времён

Похоже, это автопортрет юного скрипача, которому вот-вот откроется музыка поэтического слова. Русского слова. Но, как было

сказано уже, – русский стих Шаповалова одобрен ритмами и гулом второго языка, который звучит ему с детства:

Вот он, жадный пожар, мой несправедный бой,
толпы людские смерть, смеясь, ведёт за собой,
кони хрипят, и трубы поют, и молчит рассвет
посередине мира, которому имени нет.
Разгорается день, от боли корчится мир,
качается на ветвях вечное небо Тенир,
мчатся во все концы измученные гонцы,
уставшие храбрецы, израненные бойцы,
восход уходит в закат, кончается Чон Казат –
потомкам тысячу лет оглядываться назад,
чтоб новый мир не заснул, надежды не обманул,
в ущельях каменный гул – кончается Чон Чабуул,
на сердце моё легла старого мира мгла,
эта старая боль – новых утрат игла:
оскальзываясь, идти по тягостному пути,
сквозь будущие века, где всё сгорело дотла...»

Поэтика Шаповалова органична. Иначе бы его стихи, рассказывающие о современности, выглядели по-иному, но речь поэта сформировалась смолоду и стала очень узнаваемой. Поэтическая публицистика – один из краеугольных камней автора, при этом она всегда решена на языке поэзии, что делает её ещё более выразительной и заразительной:

Под утро, в минуты глухие идёт он – печаль и укор,
где стены отеля «Россия», где радостно-скорбный собор,
где слиты видения стали и времени древняя медь,
где русские очи устали на Спасскую башню глядеть.
Соратники плотной шеренгой лежат у великой стены,
без пошрины взявши в аренду пространство и время страны,
с их мёртвою хваткою волчьей! –
лишь время грызёт нас сильней,
Сатурн, пожирающий молча своих безответных детей.

Поэт не ограничивает диапазон своей стихотворной речи сюжетами исторического звучания или полемической публицистикой. Он может выступить, как бытописатель, ничуть не снижая взятой тональности других стихотворений. Вот полиция обнаруживает умершую старуху, неподвижный взгляд которой застыл на экране телевизора, так же как застыла чашка кофе в её руке:

Кого-то беспокоила? – о, нет,
взломали дверь – вокруг прошло пять лет,

закончились на счёте сбереженья,
банк вскрыл судьбу, но мумия гостей
проигнорировала без затей,
как бы сказав: остановись, мгновенье! –
естественно, остановился мир, ночной зефир струит ночной кефир,
но так, чтоб жажде быть неутолённой,
покуда нам небесная труба не возвестит последний день труда.
Из кресла ей, заметно утомлённой, уже не распрявиться и в земле,
чтоб встретить Бога в санитарной мгле –
так, словно сдать на будущность экзамен.
И ангел, удручён самим собой, миг помолчит над скрюченной судьбой
и выдохнет единственное:
– Amen...

События евангельского толка предстают в его видениях
независимо от точки зрения, но отвечая православному канону:

Всё, Мария, я сделал, как научили:
свечку зажгёт и поставил – и попросил о прощенье,
встал на колени на коврик потёртый. Глаза остыли:
слёзы сглотнул – без них всё равно плачевней.
Всё, Пречистая, сделал я, как подсказали:
руки омыл и лицо из Твоего колодца.
Правда, вода была воплощена в металле:
нажмёшь на кнопку – и благодать прольётся.

Переключая регистры, поэт может обратиться к жанру иронии.
Ирония может вызвать у читателя улыбку. Но всё равно всё окончится
печалью:

где под звёздной чёрною рекою, тайной плоти распалив сердца,
клоунесса тонкою рукою обнимает сына и отца,
старятся юнцы, гниёт эпоха, зло идет по курсу за добро –
профиль молодого скомороха, фас у фаллоса политбюро...
Журналист состарится, уедет навсегда, на вечную войну,
где земное солнце долго светит, в ближнюю восточную страну,
бедный, там трясущиеся пейсы гладит, не спросив у стариков,
с Македонцем доходили ль персы до его синайских берегов.
Помнит ли о юности в Союзе, улицей Дзержинкою рожден,
выставив короткорылый «Узи», как правозащитный микрофон?..
А в ответ, вся в небесах Шагала, на метле, прекрасная, летит
цирковая юная шалава, вечности оживший трансовестит!..
Не сорвись, любимая, с небесной скользкой и нечистой высоты,
жизнь тебе дарована над бездной – если это ты. Но вдруг – не ты?
Вслед нам строгий Пётр и кроткий Павел смотрят, с губ срывается:
– Почто,
Господи, почто ты нас оставил?!..

Но безмолвен купол шапито.

Вячеслав Шаповалов дарит читателю книгу, словно кувшин, наполненный живой водой поэзии. Пригубите её:

Как странно! – надеемся, ждём,
и вечные истины слышим,
при этом так мало живём,
при этом так загнанно дышим...
Кругом – что ни храм, то стена,
ничтожество ищет величья,
и жизнь бесконечно длинна –
короткая до неприличья.